

ТЭССА
Рэй

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нелених ПОДРУГИ

МОЕ ТАЙНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Тэсса Рэй

**Жених подруги. Мое
тайное желание**

«Автор»

2026

Рэй Т.

Жених подруги. Мое тайное желание / Т. Рэй — «Автор», 2026

Загадала несбыточное желание. На следующий день свадьба лучшей подруги сорвалась. А наутро я проснулась с ее женихом в постели. Что ж... из френдзоны мы точно вышли. Но что теперь?***Не думай о нем, дура! – орала я сама себе мысленно. – Он – твой друг, он женится на твоей подружке через три дня. У них любовь, у них все серьезно. Но сердце не обманешь. Я зажмурилась, пытаясь запихнуть все эти чувства обратно, в тот ящик, где они сидят тихо и не высовываются. Но ящик трещал по швам. А я больше не могу. Я так устала врать самой себе! И я с ужасом поняла: мое истинное желание – про него! Чтобы он посмотрел на меня хоть раз. Не как на друга или подружку своей невесты, а как на женщину. Чтобы, глупость какая, поцеловал. Чтобы выбрал меня. Чтобы полюбил меня. И это самое глупое, самое бесполезное желание в моей жизни.

© Рэй Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
1	7
2	10
3	13
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Тэсса Рэй

Жених подруги. Мое тайное желание

Пролог

Сегодня мой день рождения. Унылое “ура” мне.

Мы сидели на кухне, в нашей старенькой квартире, за столом, который помнит еще моих родителей, и я смотрела на свечи в творожном пироге. Бабуля испекла его вчера вечером.

– Загадывай желание, Лерочка, – говорит бабуля, подвигая ко мне пирог со свечкой.

Ее руки в морщинках, но все такие же ловкие и золотые. Всю неделю она вязала тайком, когда думала, что я не в курсе.

Уже с утра на мне бежевый кардиган – ее работа.

– Бабуль, ну ты чего... Он же дорогой вышел, – поблагодарила я, а у самой слезы на глаза наворачиваются. Потому что она всю пенсию на меня тратит, а я ей отплатить даже не могу. – Красивый. Очень!

– Так, задувай свечку, а то сторит, – строго нахмурилась она. – Загадывай давай.

Свеча с цифрой двадцать два.

Я сосредоточилась. Надо загадать что-то правильное и важное.

Подумала сразу об Оливии. Моя старшая сестра, пропавшая два года назад. Два чертовых года, за которые я обзвонила все морги, все больницы, написала в каждый волонтерский отряд, полицию задолбала. Ни следа. Как сквозь землю провалилась. Я должна найти ее. Я обязана.

– Хочу найти Оливию, – сказала я вслух.

Бабуля кивнула, и ее глаза стали влажными, но она прищурилась:

– Ну, вслух же не говори, милая, а то не сбудется. Нужно про себя загадать. Самое потайное. Самое желанное.

Ой, нельзя мне в эти дебри лезть, бабуля, ой нельзя!

Я закрыла глаза. Язык пламени касался теплом моего лица. И тут внутри – голос. Резкий, внезапный:

“Не смей! Не вздумай! Только не он!”

Влад Немыкин – вот мое настоящее тайное желание.

Двадцать четыре года, умный, добрый, хороший, заботливый, веселый, с легкой щетиной и глазами, в которых всегда есть искра смеха. Жених Эммы – моей начальницы и так уж вышло, – моей лучшей подруги.

“Не думай о нем, дура! – орала я сама себе мысленно. – Он женится на ней через три дня. У них любовь, у них все серьезно”.

Но сердце не обманешь.

Я зажмурилась, пытаюсь запихнуть все эти чувства обратно, в тот ящик, где они сидят тихо и не высовываются. Но ящик трещит по швам, сволочь. А я больше не могу. Я так устала врать себе.

Свеча горела, надо задувать.

Я сделала вдох, собрала волю в кулак и загадала: “Пусть все наладится. Пусть найдется Оливия. Пусть...”

И в последнюю секунду, когда я уже открыла рот, чтобы дунуть, внутри что-то сломалось. И я с ужасом поняла: мое истинное желание – то, которое я не смею произнести даже мысленно на нормальном языке, – оно не про сестру, не про долги и не про бар отца, который вот-вот закроют...

Оно про него!

Чтобы он посмотрел на меня хоть раз. Не как на приятельницу своей невесты, а как на женщину. Чтобы, глупость какая, поцеловал. Чтобы выбрал меня. Чтобы полюбил меня...

Я задула свечи.

Вспышка – и огонь погас. Комната погрузилась в тишину, только бабуля хлопала в ладоши и говорила: “С днем рождения!”

А я сидела, пряча глаза, чтобы не показать слезы. Потому что я только что предала саму себя. И я знаю, что сегодня ночью снова буду плакать в подушку, пока голова не разболится.

Потому что я хочу его и только его.

И это самое глупое, самое бесполезное желание в моей жизни.

1

Я открыла глаза – и мир поплыл перед глазами. Желудок сделал сальто, пытаюсь вывернуть все, что было внутри – на простыню.

О, вот это простыни! Шелк, белый, с дурацким золотистым кантом. Это не моя продавленная кровать с принтов в горошек.

Стоп! Это вообще не моя квартира.

Приподняла голову, осторожно, по миллиметру, чтобы череп не рассыпался. Слева – тумбочка. На ней стакан воды, блистер какой-то фигни и мужские часы “IWC”. Такие я видела только на одном человеке.

Влад носил их, не снимая. А я разглядела внимательней, когда мы месяц назад выбирали Эмме кольцо.

Твою мать!

Повернулась медленно, очень медленно. Рядом – плечо. Кожа смуглая, разгоряченная сном, легкая щетина, запах геля для душа и... и мой вчерашний парфюм, смешанный с потом и чем-то еще, от чего низ живота дернулся даже сейчас.

Я голая. Он голый.

Простыня сбилась где-то на уровне его бедер, и я отлично видела родинку на левом боку. Однажды я разглядела ее, когда он в баре снял рубашку, потому что какой-то кретин пролил на него виски.

Я тогда подумала: “Интересно, каково это – целовать её?”

Теперь знаю. Судя по ощущениям, целовала я не только эту родинку, а всё его тело. И не только целовала.

О, черт!

Между ног саднило так, будто ночью я оседлала бетономешалку. Или, прости господи, бейсбольную биту.

Нет, ну нормально? Влад, мать его, Немыкин – жених моей лучшей подруги и начальницы – спит рядом, голый, а я чувствую себя так, будто меня переехал товарный поезд по имени “секс-марафон”. И поезд не просто проехал, а ещё и сдавал назад. Пару раз. Для верности.

Нет, не может быть!

Ущипнула себя за руку. Раз. Два. Три. Больно!

Я не сплю. Реальность – вот она, под боком, теплая, пахнет сексом и мужским потом.

Начала вспоминать.

Вчера была пятница. Долбаный вечер в доме родителей Эммы. Вечер – ужин перед свадьбой Эммы. А сегодня... Сегодня должна будет состояться эта самая свадьба! До которой еще пара часов.

Вчера все пошло кувырком. Настоящая катастрофа!

На ужин появился человек, которого никто не ожидал увидеть – отец Влада. Человек, которого сам Влад ненавидел всеми фибрами души.

И, держитесь крепче, он оказался тем самым бывшим Эммы. Любовью всей ее жизни, о которой она мне в тайне рассказывала столько подробностей, что я сама его заочно знала лучше, чем кто-либо.

Отец Влада, блять, – Константин Александрович Давыдов, мужик красавчик с сединой на висках и членом, судя по тому, что я слышала от Эммы, не хилого калибра.

И вот этот сорокадвухлетний мачо оказался тем самым. Первой любовью Эммы, которая разбила ей сердце восемь лет назад. Той самой, о которой она вздыхала ночами, пока готовилась к свадьбе.

Короче, свадьба накрылась медным тазом. Влад исчез. Эмма тоже.

А я... я, как ответственный человек-тревожник, решила, что раз уж вечер испорчен, пошла работать в бар. Наш бар, доставшийся от покойного отца.

Поработала, блин.

Как думаете, кто туда случайно забрел?

Правильно – наш несчастный жених. У него было лицо человека, который только что узнал, что его невеста спала с его папашей, а жизнь – дно.

А дальше все помню, но с пробелами.

– Ты пахнешь свободой, – сказал он мне в шею и все, я поплыла.

Помню, как мы целовались. Жадно, как подростки в подъезде. Как он срывал с меня платье, а я расстегнула его ремень, дрожащими руками.

Помню, что мы упали на диван – нет, стойте, не на диван. На пол. А как мы до дома добрались? Помню только ковер, который пах пылью и в который я цеплялась, когда...

О, господи, когда он развернул меня раком – да, конкретно так, без предисловий. Резко в меня вошел, я даже вскрикнула, но он зажал мне рот рукой и что-то шептал.

Еще помню эти ощущения до сих пор, когда он вошел в меня до конца. Меня прострелило от копчика до макушки. Я выгнулась, как кошка, и кончила. Сразу же. Хотя, на минуточку, была пьяная.

И попробуй теперь забыть, как он работал бедрами жестко, ритмично, заставляя меня скулить сквозь стиснутые зубы. Я, вроде как, переживала за его соседей. Я – крикунья.

Он вколачивался в меня до искр из глаз, пока я не кончила, вцепившись ногтями в ковёр.

Потом мы смеялись, как идиоты. Ползали по полу, собирая одежду, снова целовались, снова падали.

Я помню, как он взял меня на диване – спиной к себе, придерживая за бедра, покусывая шею. Я еще, кажется, сидела на нем верхом, чувствуя каждой клеточкой, как он входит в меня под странным углом, глубоко.

О, помню еще кухню. Мы разорили его холодильник. И снова занимались сексом.

Не знаю, сколько это длилось. В какой-то момент я потеряла счет времени и пространства.

А потом – провал. Темнота.

О, твою ж мать!

Повернулась к нему. Он спал, и его ресницы подрагивали – кажется, ему снилось что-то тревожное.

Вот блядь! Влад Немыкин – голый, расслабленный, с утренним стояком, который напрягся сквозь край простыни. И я знаю, как он выглядит без одежды целиком. Я знаю, как пахнет его кожа после секса. Я знаю, какие звуки он издаёт в момент оргазма – хриплые, с матом.

И это самое прекрасное и самое ужасное, что со мной случилось.

Потому что он – жених Эммы. И пусть его свадьба сегодня не состоится – это не отменяет того, что я предательница.

Где гарантия, что, когда он проснется, и посмотрит на меня и не скажет: “Извини, я был пьян. Забудем?”

Я не переживу этого.

Он вздохнул во сне и перевернулся на спину. Простыня сползла и я увидела все. Буквально все!

Твою ж мать. Даже спящий он – произведение искусства.

Ещё секунда – и он откроет глаза.

А я?

А я внезапно решила свалить.

Аккуратно, стараясь не дышать, сползла с кровати. Мое платье валялось в углу вместе с лифчиком, который каким-то чудом зацепился за ручку шкафа. Трусы – на прикроватной лампе. Не спрашивайте.

Схватила одежду, натянула на ходу, трясущимися руками. И чуть не выла, потому что все саднило при ходьбе. На плечи накинула его рубашку, потому что не могла найти кардиган. Тот самый, что бабуля мне связала пару дней назад.

Вышла из его квартиры в коридор. Наткнулась на зеркало в лифте.

Воу! Это что еще за чучело?

С размазанной тушью, карие глаза все еще в сексуально-удовлетворенной поволоке, с длинными, спутанными, кудрявыми волосами цвета шоколада и синяками на шее.

Это, что засос? Кто вообще в наше время делает засосы? Фу, как пошло, Немыкин!

– Дура, – шепнула я себе в отражение. – Какая же ты дура!

Переспать с парнем, которого тайно люблю уже два года, в ночь перед его сорванной свадьбой. Я предала подругу. Я – кусок дерьма.

В голове всплыла картинка: как он кончил на меня, сжимая мои бедра и произнося мое имя. Мое, черт возьми!

И я знаю, что буду видеть этот образ еще очень долго. Это не последний раз в моих мыслях. Но это был первый и последний раз в реальности.

Потому что когда он проснется и поймет – он возненавидит меня. Или себя. Или нас обоих.

Я вылетела из дома, дошла до остановки, уже в автобусе расплакалась. Горькие, соленые, идиотские слезы.

“Ну, с днём рождения, Лера, – думала я. – Ты получила лучший подарок в своей жизни. И тут же все просрала”.

2

За день до этого

Бар “На бровях” достался мне два года назад. И я в тайне и ненавижу и люблю это место. Люблю за атмосферу, за воспоминания.

Дубовая стойка помнит еще моего отца – он сам ее шлифовал, когда открывал это место десять лет назад.

Сейчас она потертая, в царапинах, с выжженными кругами от чьих-то сигарет, которые здесь официально запрещены. Но это как будто бы придает ей шарм.

Бархатные диваны, старые лампы под потолком, которые дают теплый, уютный свет, и запах – смесь виски, кофе и пирогов, которые мы до сих пор выпекаем.

Бар живет. Я не понимаю, как, но живёт. Клиенты приходят, заказывают, сидят до закрытия, выручка есть. Но долги растут быстрее, чем я успеваю их гасить.

И это то, за что я ненавижу это место.

Оливия вела бухгалтерию, а когда она исчезла, я полезла в бумаги и охренела. Кредиты, перекредиты, какие-то займы под бешеные проценты, о которых я не знала.

Она брала на развитие, на ремонт, на какие-то концепции, которые так и не взлетели. Я плачу каждый месяц, но сумма не уменьшается – только проценты набегают, как снежный ком.

Зато – бар никогда не дает мне жить красиво. Всегда на стрессе и с затянутым поясом. Да так, что не продохнуть.

Я худая не потому, что сижу на диете, я просто не доедаю. Эмма платит мне нормально за работу ассистентом, но эти деньги улетают в черную дыру долгов.

Свою смену в баре я тоже считаю – и каждая копейка идет туда же. Сегодня утром я съела пол бутерброда и запила водой, потому что на нормальный завтрак не осталось ни-ху... Ну, вы поняли.

Но пару недель назад случилось чудо. Пришел риелтор, и сообщил, что какой-то мажорчик хочет купить этот бар. Назвал цену – я чуть не расплакалась. Она покрывает все долги.

Сверху даже остается на курсы повышения квалификации, чтобы найти нормальную работу в сфере ресторанного менеджмента и забыть этот бар, как страшный сон. Риелтор сказал, что на днях организует встречу с покупателем. Нужно только дотянуть.

Я стояла за стойкой, протирала стакан, и мечтала. О том, как отдам долги, как сяду на курсы, как выдохну. Может, даже найду Оливию. Может, всё наладится.

А еще я старалась не думать о катастрофе, в которую превратился сегодняшний предсвадебный ужин у Эммы. Мне было жалко всех: и подругу, и... ее жениха. Она встретила любовь всей своей жизни снова. А он понял, что эта встреча перевернула все навсегда. Свадьбы не будет. Вообще уже ничего не будет так, как прежде...

Господи, пусть моя будущая история любви и отношений будет банальной и до приторности тривиальной, как в тех мелодрамах, под которые я реву, радостная за Монику и Чендлера.

Но у кого-то там наверху, видимо, совсем напекло головушку и матрос за штурвалом уже чертовски пьян...

Дверь открылась, впуская свежий весенний воздух. Я подняла глаза – и сердце провалилось... куда-то (в трюм, видимо!).

Влад.

И его будто жестко потрепало ураганом. Дорогой костюм помят, рубашка расстегнута на верхнюю пуговицу галстука нет, под глазами тени. Лицо осунувшееся, небритое.

В этой печали он все равно такой красивый, что у меня свело скулы.

Он оглядывался, будто оценивал свою собственность и, слава богу, четко понимал, где находится. Потом сел за стойку, прямо напротив меня, и бросил:

– “Джеймисон”. Двойной. Без льда, – ох, этот его голос, с хрипотцой, будто он не спал несколько ночей и жевал колючки.

Я налила, поставила перед ним. Он поднял глаза – и замер.

– Лера?

– Сюрприз, – усмехнулась я криво. – Да, я тут работаю. Отмываю репутацию и стаканы.

Он смотрел на меня в упор, нет, даже не смотрел, а рассматривал. Не как подружку невесты, а как человека.

– Ты в этом свете такая худая, – сказал он вдруг. – Очень худая! Ты, что, болеешь?

– Экономлю на обедах, – усмехнулась я. – Новая диета. “Бюджетный кето-детокс”.

Хочешь поговорить об этом?

Он даже не улыбнулся, а смотрел чересчур серьезно, и я побоялась, что он начнет задавать вопросы. Но он просто отвернулся и вздохнул.

– Прости, я не хотел тебя обидеть. Если хочешь, я не буду даже говорить, а просто тут накидаюсь. Кстати, я не ожидал увидеть тебя здесь...

– Я заметила. Будем считать это неудобным совпадением.

– Даже забавным... – как-то задумчиво произнес он.

– Так, о чем бы ты хотел поговорить?

Знаю, я привыкла. За пару лет работы здесь я чего только не наслушалась. Люди насмотрелись киношки и решили, что выговариваться бармену – это классика. Все равно, что к психологу сходить, только я еще и наливаю.

– Если честно, я не хочу особо говорить. Тем более, про сегодняшний вечер, – признался он тихо. – Давай просто выпьем.

Я кивнула. Налила себе тоже. Мы выпили молча.

Первый глоток обжег горло, второй – теплом разлился в груди. Я молчала, давая ему пространство. Он молчал, глядя сквозь стакан.

Через полчаса он расслабляется. Плечи опустились, взгляд стал стеклянным. Я решилась.

– Влад, – начала я мягко. – Ты не обязан говорить. Но если захочешь – я здесь. Я твой друг. Ты можешь на меня рассчитывать.

Он посмотрел на меня, долго, в упор, а в глазах была такая усталость, такая боль, что мне захотелось обнять его и не отпускать.

– Не надо, – сказал он глухо. – Не надо меня утешать.

Он отвернулся, провел рукой по лицу, и я заметила, как дрожали его пальцы. Усталый, небритый, с темными кругами под глазами но красивый, боже, как же он красивый!

Я сглотнула и постаралась не пялиться. Ещё слово – и я ляпну какую-нибудь глупость.

– А что мне тебе сказать, чтобы тебе полегчало: “давай трахаться”? – сморозила я прежде, чем подумала.

Блядь! Я реально это сказала?!

Он повернулся ко мне внезапно и поймал мой взгляд. Наверняка испуганный, как у оленя перед встречей с капотом несущегося авто.

На секунду – одну чертову секунду – в его глазах мелькнуло что-то другое: не боль, не усталость, а гребанный, самый настоящий интерес.

Мужик – он и в Африке мужик!

На секунду он замер. Взгляд потемнел, скользнул по моим губам ниже, к вырезу футболки с логотипом бара.

И я клянусь, я почувствовала, как между нами проскочил ток.

– Ты чего? – прошептала я, затаив дыхание. – Я же пошутила.

Он моргнул и отрезвил себя намеренно – я видела это. Он сделал усилие, захлопнулся обратно в свою “ракушку страданий и самобичеваний”, и протянул мне пустой стакан.

– Налей еще, – сказал он ровно.

Я взяла стакан. Пальцы дрожали и я не могла это скрыть. Налила чуть ли не до краев. И себе немного.

Моя коллега Наташа уже начала коситься на нас. Но я и не должна была сегодня здесь быть, это не моя смена, и вообще-то пока еще мой бар, так что...

Мы снова выпили молча. Но этот взгляд – хрен теперь забудешь.

3

– Слушай, – сказала я, разливая четвертую стопку (или пятую? Я сбилась со счета, когда он перестал быть несчастным брошенным женихом и стал просто Владом), – давай сыграем в игру: ты рассказываешь о своем жизненном пиздеце, и если я посчитаю, что история – жест, я пью. А потом я рассказываю свою историю, если она достойна награды “обнять и плакать” – ты пьешь.

Он поднял на меня глаза. В них уже играло веселье. Алкоголь делает свое черное дело: он либо превращает любую трагедию в нечто незначительное, либо все усугубляет. Пока Немыкин держится молодцом.

– Серьезно? – усмехнулся он. – Ты молодая, красивая... Что у тебя может быть хуже, чем узнать, что твой батя трахал когда-то твою бывшую невесту?

Я сделала большой глоток виски, который обжег горло и пустой желудок и развязал язык.

– О, ну может быть, что я за сегодня ела только один бутерброд?

Он нахмурился и еще раз меня оглядел.

– Почему?

– Потому что я рассчитывала на твой сегодняшний предсвадебный ужин, но... потом сбежала сюда. Лучше заработать и набить карман, а не желудок.

– Лера? – серьезно спросил он, даже нет не серьезно, а строго и немного угрожающе. – Твой бюджетный кето-детокс – не шутка? Ты, что, голодаешь?

Я выдержала его менторской-осуждающий взгляд и кивнула на его стакан:

– Пей. Я по любому выиграла этот раунд.

Он не шевельнулся и стал буквально сверлить меня взглядом. Как будто я нарочно лишаю себя еды, даже стыдно стало, что он узнал такую правду обо мне.

– Как так? Ты же работаешь у... – запнулся, как будто ему физически больно произносить ее имя.

А у меня кольнуло под ребрами. Видеть, как больно человеку, которого ты любишь – невыносимо.

– Мы больше не произносим ее имя вслух? – выгнула я бровь.

– Нет, нет... – и снова задумался, как бы пробуя на вкус горечь следующих слов, – хотя, кого я обманываю...

– Ты пей-пей, у меня для тебя еще парочка шок-контента, – я свела все к шутке.

Влад сделал глоток, и снова меня оглядел. Я чуть приосанилась, пусть смотрит. Когда он вообще со мной разговаривал вот так, наедине? Кроме того раза, когда мы выбирали Эмме кольцо и меряли его на мой палец...

О, если я расскажу ему, что я в тот момент испытывала – я выиграю эту игру с огромным перевесом и он никогда в жизни не сможет побить мой рекорд!

– Так почему ты недоедаешь, имея две работы?

– Если я буду рассказывать все – ты сопьешься! – я ухмыляюсь, чувствуя, как хмель развязывает мне не только язык, но и душу. – И давай без иллюзий: мы оба – ходячие катастрофы. У тебя отец украл невесту, у меня – долги, тощая жопа и отсутствие личной жизни, потому что я, блин, влюблена в...

Так стоп! Ох, это было опасно! Очень опасно! Сердце ухнуло, как со скалы, в самый вниз. Больше не пьем, Лера, а просто симулируем. Как и все мои оргазмы. Да и жизнь, в принципе.

Влад смотрел на меня как-то странно.

– Влюблена? – переспросил он тихо.

М-да, ситуация...

– Да забей, – махнула рукой. – Там все сложно. И глупо. И вообще не твоего ума дело.

Влад молчал. Смотрел на меня долго, изучающе, такое ощущение, будто видел меня насквозь – всю, до самой неприглядной сердцевины.

– Кто бы он ни был, скажи ему, что он тупой придурок, – выдал вдруг Немыкин, и в голосе появились его фирменные хриплые нотки, от которых у меня вечно поджимаются пальцы ног. – Ты красотка. Говорю это, как профессиональный фотограф...

– Спасибо, – быстро кивнула я. – Ты тоже ничего.

– Говорят, похож на отца в молодости, – печально усмехнулся он.

Мы снова молчали.

– Откуда у тебя долги в твоём возрасте? – не отставал Влад.

– Мои родители погибли, – я обвела рукой бар, – это их детище. Раньше всем занималась сестра, но она куда-то пропала. И я уже очень давно ее ищу.

– Мою сестру изнасиловали несколько лет назад и она утонула в реке...

– Вот черт... – я сделала большой глоток виски. – Сочувствую.

– Занятно то, что я сегодня во второй раз об этом рассказываю, а легче не становится.

– Боль от потери близких невозможно так легко забыть, сколько ни рассказывай о ней.

Мы оба выпили.

– Зря я решила хайпануть на пропаже сестры. У меня есть надежда, что она в порядке. Да и бар решил выкупить какой-то богатенький кретин... так что...

Взгляд Немыкина как-то странно изменился. Как будто этим замечанием я нанесла ему личное оскорбление.

– Кретин? Почему кретин?

– Ну, а кто будет покупать бар с долгами, как у этого? – пожала я плечами, искренне не понимая, с чего он вдруг начал улыбаться. – Только кретин, которого развели риэлторы. Или альтруист, занимающийся благотворительностью.

И тут Немыкин разразился хохотом. Да так заливисто и заразительно, что я сама улыбнулась, мысленно прося прощения у бедного финансово неграмотного идиота.

– Ты права, – сказал Влад, насмеявшись. – Думаю и тот и другой. Ну, или сын, любящий свою мать настолько, что решил подарить ей бар, который она обожала в молодости и в котором она будет сама готовить.

Я застыла. Стакан в моей руке замер на полпути ко рту.

– Чего?

Влад подался вперед. Его лицо оказалось близко – слишком близко. Я почувствовала запах виски в его дыхании, увидела золотистые крапинки в радужке глаз, и трещинку на нижней губе.

– Твой кретин-альтруист сейчас прямо перед тобой, Лера.

4

Ох, уж этот голос с хрипотцой, до меня не сразу дошел смысл того, что он сказал. А когда дошел...

– Оу...

– Получается, что я – твой босс, – широко улыбнулся он. – Кретин-босс-альтруист.

Он протянул мне руку, а я, как под гипнозом, пожала ее.

– Уволишь меня? – сипло проговорила я, все еще не придя в себя от шока.

– Шутишь, мне нужны свои люди, я ни черта не понимаю в барах! И моя мама будет в восторге, что ты – дочь тех, кто открыл это место. Она его обожает.

Я моргнула, приходя наконец в себя.

– Твоя мама потрясающе готовит, – призналась я, вспоминая дни, когда эта святая женщина периодически захаживала в мастерскую к Эмме и угощала нас пирогами или чем-то домашнего приготовления. – Тут давно не хватает хорошей поварской руки.

Влад улыбнулся. Я знала, что он обожает свою маму и вечно опекает ее. Слышала, что в его семье когда-то произошла трагедия, но не знала – какая. А то, что теперь сам Немыкин Влад выкупает бар и фактически спасает меня от голодной смерти – это вообще настоящий отвал башки.

Вот так выпили вместе!

Я не знаю, что со мной случилось в этот момент, наверное, слишком много алкоголя на квадратный сантиметр пустого желудка... Но, короче, я расплакалась.

– Эй? – позвал Немыкин. – Ты что, плачешь?

– Ничего подобного! – соврала я, глядя в сторону. – С чего ты взял?

– Лера! – Он приблизился ко мне и, взяв за подбородок, повернул лицом к себе.

Чувства обострились, словно обнаженные нервы. Я впервые ощутила на себе эту банальную фразу. Ни фига она не банальная. Ощущения... занятные. Особенно, когда тебя касается человек, которого ты любишь.

– Мы же друзья, – сказал он.

– Друзья, – горько хмыкнула я.

Он так на меня смотрел, это было невыносимо!

Два года я носила в себе тайну, ловила каждый его взгляд, каждую случайную улыбку, и вечером перед сном разбирала эти моменты на атомы.

А теперь он смотрит на меня вот так...

Выпитое на голодный желудок волновало кровь, но его близость пьянила сильнее алкоголя. Запах его кожи – древесный, с горьковатыми нотами – он всегда носил один и тот же парфюм, – кружил голову, как долбаный дурман.

– Я хочу кое-что спросить, ты ответишь честно?

Я кивнула. А потом помотала головой.

Надеюсь, это будет вопрос не из разряда скороговорок или на логику. Потому что мои мозги уже давно расплавились от одного только прикосновения его пальцев.

– Когда ты сказала “давай трахаться”... ты же не пошутила? – в голосе ни единой ноты вопроса. Это было утверждение.

А взгляд тяжелый и темный, скользнул по моему лицу, опустился к губам, к линии декольте, медленно, оценивающе, как мужчина смотрит на женщину. Не как друг на друга.

Я хотела рассмеяться, сказать “конечно, шутка”, отступить в тень своей обычной роли – веселой Леры, которая всех спасает, кроме себя. Но не смогла.

Страх сковал все внутри. Что если я скажу “нет”, эта дверь захлопнется навсегда? А если скажу “да” – все рухнет?

Он наблюдал за моей паникой, за тем, как я безнадежно ищу ответ в чертогах разума.

А потом, кончик его большого пальца, шершавый, теплый, провел по моей нижней губе. Простой нежный жест – проверка на грань допустимого. От этого прикосновения у меня по спине пробежали мурашки, смесь стыда и дикого, запретного возбуждения.

– Чувак, не разложи ее прямо на барной стойке, – раздался рядом резкий голос.

Наташа, моя сменщица, толкнула меня в бок, вставая между нами, как живой щит.

– Она нам еще нужна. Эти хрупкие плечи слишком много на себе несут.

Влад даже не взглянул на нее. Его глаза все еще держали меня в плену.

– Больше нет, – задумчиво проговорил он, – больше не несут.

Он медленно кивнул, отступая от стойки, что-то решил. Сам себе на уме.

Я покраснела так, что, кажется, мои уши сейчас загорятся.

А Влад неожиданно поднял руку и помахал Наташе за моей спиной.

– Эй! – позвал он.

Я схватилась за стойку руками, потому что, если бы отцепилась – рухнула бы в обморок от переизбытка чувств.

– Чего? – Наташа снова к нам подошла и сощурилась как-то подозрительно.

Влад выудил из кармана две купюры – по пять тысяч – протянул ей.

– Она уходит. Побудешь без нее до закрытия?

Наташа посмотрела на деньги, потом на меня, потом снова на деньги. Мы обе знали, что за смену редко можно получить такую сумму.

– Да без б, – она бодро пожала плечами и сцапала купюры, пока наш альтруист не передумал. – Завтра ты на свадьбу к подружке, оттянись там.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но Влад уже схватил меня за руку и потащил к выходу.

– Я прослежу, чтобы она... оттянулась.

Он шел, как таран вперед, лавируя между столиками и посетителями, я семенила за ним.

– Стой, подожди, куда ты меня ведешь?

– Ты сказала, что хочешь меня поддержать, – сказал он, не оборачиваясь и что-то тыкал в приложении такси. – Вот и поддержишь. Но сначала я тебя накормлю. У меня дома полный холодильник закусок. Мама наготовила для гостей из Алтая.

Мы вылетели на улицу. Ночь – свежая, апрельская, пахнет теплом и весной. Через пару секунд около нас припарковалась машина такси.

– Садись, – он открыл дверь.

– Куда?

– Ко мне. Есть и трахаться. – Он смотрел на меня в упор и я от шока вытаращилась на него, не могла поверить, что он всерьез. Тогда он добавил: – Но если ты сейчас скажешь “нет”, я пойму. И мы просто разойдемся и притворимся, что этого вечера не было.

Я застыла. Ветер трепал волосы, кудри лезли в лицо. В голове – каша.

Нужно сказать “нет”. Потому что это неправильно. Потому что он – психологическая развалина, я – финансовая. Потому что завтра мне смотреть в глаза Эмме...

Но потом я вспомнила, как он смотрел на меня за стойкой. Как его пальцы коснулись моего подбородка. И – к черту все!

Я села в машину.

Он захлопнул дверь, обошел машину и сел рядом. Назвал свой адрес.

И мы поехали в темноту, не глядя друг на друга, но моя рука лежала на сиденье в миллиметре от его руки, и я чувствовала это на расстоянии – электричество между нами, которого никогда раньше не было. Но теперь появилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.